

Чжан Чжаохэ, узнав, что Чан Ли и остальные намерены начать эксперимент по воссозданию «Люйиньсюй» в течение недели, попытался было воспрепятствовать, но на этот раз женщина повела себя вопреки обыкновению. Она не только не прислушалась к его словам, но и твердо заявила о необходимости как можно скорее продвигать проект.

Янь Ючжун и Ли Юнши также поддержали её решение.

Чжан Чжаохэ не оставалось ничего другого, кроме как выразить притворную озабоченность:

— С чего такая спешка? На прошлой неделе вы ведь говорили, что нужно всё хорошенько обсудить.

Объяснения Цзян Вэйдэ были довольно уклончивыми, и Чжан Чжаохэ, обладавший острым чутьем, мгновенно почувствовал неладное.

Чан Ли бросила беглый взгляд на экран: в чате Группы «Высокая башня» сейчас находилось не менее половины участников. Трудно было сказать, сколько глаз в этот момент следили за сообщениями Чжана.

Разглядев истинную натуру этого человека, профессор окончательно вырвалась из ловушки «заботы о благе семьи Ли». Теперь никакие его ухищрения не могли повлиять на её суждения.

Не решаясь на открытый разрыв, она решила просто переложить всю вину на Ху Юймина:

— Четвертый район «Ланьшу» прислал Ли Жуну приглашение. Стоит ему согласиться, и Ху Юймин обеспечит его всем необходимым для работы над «Люйиньсюй». Мне и так невыносимо стыдно за то, что в свое время руку помощи семье Ли протянула Объединенная палата, а не мы. Проиграть «Ланьшу» еще раз было бы просто непростительно.

Чжан Чжаохэ уже слышал эту версию от Цзян Вэйдэ.

— О, значит, и Ху Юймин решил отхватить свой кусок пирога.

Доводы Чан Ли звучали вполне логично, но Чжан Чжаохэ всё равно не находил себе места.

Слова профессора, тем временем, привлекли внимание участников из других отделов:

[Что значит «руку помощи семье Ли протянула Объединенная палата, а не мы»?]

[Когда это «Ланьшу» помогала семье Ли?]

Чан Ли даже обрадовалась этим вопросам. Она намеренно выразилась туманно, надеясь, что остальные постепенно начнут замечать несостыковки в речах их лидера.

К её разочарованию, Чжан долго не отвечал, и никто больше не стал развивать эту тему. Спустя некоторое время Янь Ючжун прислал ей личное сообщение:

«Профессор Чан, мы с вами работали в одной группе с Ли Цинли и Гу Нун, поэтому наша связь с ними куда глубже. “Высокая башня” расширялась слишком стремительно, далеко не все здесь испытывают к ним те же чувства, что и мы»

Эта суровая правда заставила женщину окончательно протрезветь.

Да, организация росла слишком быстро. Многие новые участники даже ни разу не разговаривали с Ли Цинли или Гу Нун. Причины, по которым они примкнули к группе, были самыми разными: кто-то не нашел признания в Институте «Хунсо» и искал обходные пути; кто-то, оказавшись в похожей ситуации, надеялся на понимание; а кто-то просто поддался пылким речам Чжан Чжаохэ и вступил в группу на эмоциях. Их сочувствие к семье Ли было весьма ограниченным и прохладным, а судьба Ли Жуна и вовсе их не касалась.

Именно поэтому они не желали докапываться до сути возникших вопросов. Это было слишком хлопотно и могло повлечь за собой ненужные распри. Пока маска Чжан Чжаохэ не будет сорвана окончательно, пока все его грязные дела не будут выставлены на всеобщее обозрение, эти люди не поверят правде. Ведь он был тем, кто объединил их всех, а люди неохотно отказываются от того, во что когда-то верили.

***

К счастью, под покровительством Цзян Вэйдэ проектная группа по воссозданию «Люйиньской» была официально учреждена. К работе привлекли и прежних ассистентов профессоров Ли и Гу.

Опасения Чжан Чжаохэ насчет препятствий со стороны Института «Хунсо» не оправдались. Единственными помехами в этом деле стали его собственная «озабоченность» и то самое приглашение от Ху Юймина.

К тому же Чжу Янь заболел.

Вероятно, резкая смена обстановки заставила его покинуть уютный санаторий и вернуться в Институт, чтобы разобраться с накопившимся хаосом. Бессонные ночи и тревоги подкосили его здоровье. Организм больше не выдерживал таких нагрузок — в молодости директор много работал в лабораториях, где защитные меры оставляли желать лучшего, и это нанесло ему серьезный ущерб. Теперь, когда он состарился, старые болячки начали проявляться одна за

другой.

Чжу Янь лежал в больнице. Посетители приходили один за другим, но в их взглядах он читал плохо скрываемое безразличие. Все понимали: его уход на покой неизбежен, и вскоре новым директором «Хунсо» станет Цзян Вэйдэ.

Мир жесток: стоит человеку лишиться власти, как к нему перестают проявлять уважение. Чжу Янь не хотел мириться с действительностью и тем более не желал оставлять свой пост. Вид сочувствующих лиц не приносил ему радости.

Он провел в больнице больше недели, но улучшений не было.

Сотрудники Института, предчувствуя смену руководства, стали всё чаще заглядывать к Цзян Вэйдэ. Не всё в планах Чжана шло гладко: хотя публикация статьи о гипотезе подмочила репутацию профессора Цзяна, скандал не получил развития. К тому же сейчас Ли Жун и Цзян Вэйдэ были так близки, что их отношения напоминали узы учителя и ученика. В итоге все предпочли молча похоронить старые обиды.

***

После того как Ли Жун на глазах у Чан Ли и коллег «разорвал отношения» с Цэнь Сяо, ему пришлось съехать с квартиры.

Сун Хэ, узнав об этом, пружиной подскочил на кровати и затеял генеральную уборку посреди ночи. С тех пор как выяснилось, что Ли Жун — сын Ли Цинли и Гу Нун и что он собирается воссоздать «Люйиньсюй» при поддержке Института, сосед стал смотреть на юношу иначе. Теперь он видел в нем не сверстника, а неприступную горную вершину или бескрайний океан, которыми можно лишь восхищаться издалека.

В первый же день после переезда Ли Жун, осмотрев комнату, остался весьма доволен чистотой.

— Хочешь пойти стажером в мою лабораторию? — спросил он.

Сун Хэ замер. Когда до него дошел смысл сказанного, он закивал с неистовой силой:

— Правда? Мне можно?! Конечно, конечно хочу!

Он прекрасно понимал значимость этого проекта. Даже строчка об участии в качестве ассистента в его резюме стала бы билетом в большое будущее. Юноша даже мысленно возблагодарил судьбу за то, что его поселили в одну комнату с Ли Жуном.

Разумеется, к работе в лаборатории приступила и Цзи Сяочуань. То, что она была правой рукой Старосты, давно стало секретом полишинеля. Ли Жун также отправил письмо Хэ Чанфэну, но тот не ответил — придет он или нет, зависело только от его желания.

Ли Жун подал заявление в университет об академическом отпуске на год, приостановив посещение всех занятий. Руководство вуза, уважая его решение, дало свое согласие.

Перед началом работы юноша внимательно изучил документы, которые Цзян Вэйдэ готовил для него несколько ночей напролет. Он вдруг понял, почему в прошлой жизни наставник позволил ему начать проект GT201. Все предостережения и инструкции в этих бумагах касались тех самых «ловушек», которых Цзян Вэйдэ советовал ему избегать.

Впрочем, этот документ был куда менее детальным, чем правки профессора в его прошлой жизни — ведь здесь «Люйиньской» была уничтожена пожаром, и Цзян Вэйдэ еще не успел сопоставить все данные. Однако Ли Жун был уверен: его наставник стремился восполнить всё то признание, которого были лишены его родители. Профессор Цзян, вероятно, что-то заподозрил и решил пойти иным путем — воссоздать препарат руками ученика под кодовым названием GT201.

Конечно, GT201 несколько отличался от оригинала. С момента трагедии прошло шесть лет, и за это время биохимия шагнула далеко вперед, появилось множество инновационных технологий. По сути, GT201 был усовершенствованной версией «Люйиньской».

В первый солнечный понедельник мая лаборатория официально начала свою работу. Ли Жун, как и в прошлой жизни, облачился в белый халат. Каждый день с раннего утра и до позднего вечера его маршрут ограничивался двумя точками: общежитием и лабораторией.

Ассистенты вскоре заметили, что юноша совсем не похож на студента-новичка. Он не робел, не боялся допустить ошибку или нарушить протокол. Напротив, его движения были отточенными, решения — волевыми и зрелыми, а каждый шаг плана он составлял лично.

В работе Ли Жун был безупречен. Лицо его сохраняло холодное спокойствие, он не тратил время на пустые разговоры и говорил всегда прямо. Юноша ничуть не тушевался перед старшими коллегами и не заискивал перед ними.

Что касается публичности, то он и не думал её ограничивать. Каждые три дня Ли Жун давал интервью, рассказывая общественности о ходе экспериментов и текущих трудностях. Его слава росла, и благодаря незаурядной внешности и юному возрасту он, казалось, начал затмевать собственных родителей.

***

Такой масштабный проект наконец заставил некоторых людей всерьез занервничать. Чжан Чжаохэ, чей научный уровень был далек от Ли Жуна и других профессоров, не мог понять,

действительно ли юноше удастся довести дело до конца. В конце концов он не выдержал и вызвал Чан Ли на разговор.

Чжан Чжаохэ досконально знал характер каждого члена группы. Чан Ли была эмоциональна и простодушна, ею было легче всего манипулировать.

Опираясь на свою гладкую трость, он чуть прищурился и мягко улыбнулся:

— Вижу, работа у вас кипит. Мне даже неловко вас отвлекать, но я очень беспокоюсь. Хотел спросить, как продвигаются дела?

Чан Ли посмотрела на собеседника, поправила очки и тихо вздохнула:

— Сроки поджимают, я уже много лет так не работала. Но всё идет по плану.

Чжан Чжаохэ кивнул:

— Заметил, что ты проводишь в лаборатории больше всех времени и даже приостановила другие проекты. Сейчас ведь ты определяешь направление работы? Как проявляет себя Ли Жун? Я всё переживаю, что он не справится, ведь это его первый раз...

На лице Чан Ли отразилось недоумение, и она бесцеремонно перебила его:

— Неверно. Проектом руководит Ли Жун, а мы лишь помогаем ему. Он прекрасно со всем справляется. Я даже не знаю, как описать его талант и выдающиеся способности.

Чжан Чжаохэ замер.

— Ты говоришь, что проектом руководит Ли Жун?

Он неосознанно вытащил из кармана ручку и принялся крутить её в ладонях, но, вопреки обыкновению, привычного чувства спокойствия не возникло. Возможно, дело было в том, что Чжу Янь состарился и слег в больницу, перестав быть угрозой, а возможно — в том, что Ли Жун окончательно вышел из-под его контроля.

Чан Ли усмехнулась:

— Почему у тебя такой мрачный вид? Разве успехи Ли Жуна не должны нас радовать?

Чжан Чжаохэ крепче сжал ручку, его скулы резко обозначились на лице.

— Я просто... очень удивлен.

— Мы все были удивлены, — многозначительно ответила Чан Ли.

— Что ж, раз так, я спокоен, — произнес Чжан. — Работайте, буду ждать добрых вестей.

С этими словами он, чуть ссутулившись, медленно вышел из лаборатории, опираясь на трость. Его костлявая тень, вытянутая светом ламп, дрожала на полу при каждом шаге, напоминая тянущиеся когти призрака.

Чан Ли провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду. Она признавала, что порой бывает чересчур эмоциональна. Ей не стоило говорить Чжану о талантах юноши, но она просто не смогла сдержаться. В её душе кипел гнев от того, что её так долго водили за нос, но глядя на остальных членов группы, всё ещё пребывающих в неведении, она чувствовала лишь бессилие.

***

Предчувствие её не обмануло: стоило Чжан Чжаохэ уйти, как в чате Группы «Высокая башня» началось брожение. Те, кто безоговорочно верил лидеру, невольно становились его пособниками.

[Друзья, я не хочу нагнетать, но меня беспокоит излишняя публичность Ли Жуна. Не к добру это]

[Он так часто дает интервью... Остается ли у него время на саму науку?]

[Я не виню мальчика, слава и обожание — это большой соблазн, в котором легко потерять себя]

[Я смотрю на всё это с опаской. В прошлый раз ведь тоже было столько шума...]

[Профессор Чан, профессор Янь, профессор Ли, вы бы хоть рассказали нам, как продвигается проект?]

[Как говорит наш глава, счастье любит тишину. Такое бахвальство больше в духе «Ланьшу»]

[Он ведь долго терся среди людей Объединенной палаты, неудивительно, что набрался от них дурного. Со временем переучится]

[Он ведь не только себя представляет, но и память профессоров Ли и Гу. Если он оступится, то

ть падет и на них...]

Чан Ли прекрасно понимала, что этот ропот — дело рук Чжан Чжаохэ, который сам предпочел остаться в тени. От одной мысли об этом её подташнивало. Не узнай она правду раньше, сейчас сама была бы среди тех, кто порицает юношу.

[Чан Ли: Друзья, не волнуйтесь. Проект продвигается очень успешно. Ли Жун — выдающийся ученый, и скоро мы увидим результат]

[Янь Ючжун: Вот что я скажу: с каких это пор стремление к признанию стало прерогативой "Ланьшу"? Если мы делаем великое дело, разве мы не заслужили аплодисментов?]

[Ли Юнши: Коллеги, хватит пугать самих себя. Ли Жун еще ничего не испортил, а вы уже гадаете, что будет, если он провалится. Осторожность — это хорошо, но всему есть предел]

[Цзян Вэйдэ: Я буду регулярно заходить и проверять. Повода для беспокойства нет]

Вмешательство профессора Цзяна на время утихомирило недовольных. Однако Цзян Вэйдэ понимал, насколько опасна ситуация: Чжан Чжаохэ исподтишка настраивал людей против Ли Жуну, заставляя их придирается к его поведению. Теперь, даже если юноша добьется успеха в науке, его репутация останется запятнанной. Группа, которую объединила память о Ли Цинли и Гу Нун, превращалась в самого сурового критика их сына.

Чжан Чжаохэ действовал коварно: он методично отрезал Ли Жуну пути к признанию внутри организации.

***

К счастью, Объединенная палата не забывала регулярно строить козни проекту. Ничто так не спланивало Группу «Высокая башня», как нападки общего врага. При виде того, какое давление приходится выносить Ли Жуну со стороны «Ланьшу», ни у кого не поворачивался язык упрекнуть его.

Статус сотрудника Девятого района пришелся Цэнь Сяо как нельзя кстати. При каждом его появлении в лаборатории все присутствующие едва сдерживали ярость. Он придирался к каждой мелочи, выдвигая бесконечные требования по реорганизации. На первый взгляд он вел себя как строгий инспектор, но на деле лишь пытался довести Ли Жуну до белого каления, чтобы тот плюнул на всё и ушел работать в «Ланьшу».

В этот раз капитан Цэнь явился с большой свитой — его сопровождали семь или восемь человек. Он бросил выразительный взгляд на Гэн Аня, и тот, мгновенно всё поняв, вместе с Юй Фуянем отправился брать пробы в разных частях лаборатории.

Ли Жун в белоснежном халате, засунув руки в карманы и надев защитные очки, ледяным взглядом провожал капитана. Ему пришлось прервать работу, чтобы присутствовать при этой «внезапной проверке».

Сун Хэ чувствовал, как у него холодеет затылок:

— Что им опять нужно? Когда это кончится?

На губах Цэнь Сяо заиграла дерзкая усмешка:

— Не нервничайте. Обычная проверка на стерильность. Учитель Ли ведь не мог допустить оплошности в таких базовых вещах?

Пока Гэн Ань и Юй Фуянь брали пробы, капитан вальяжно прохаживался по помещению. Он подошел к Ли Жуну, бесцеремонно окинул его взглядом и протянул руку, намереваясь снять с него очки. Юноша резко отвернулся, не давая к себе прикоснуться, и пронзил собеседника холодным взглядом.

— Пусть твои люди поторопятся, — сухо бросил он. — У нас много работы.

Рука Цэнь Сяо на миг зависла в воздухе, после чего он нехотя её убрал.

— Я и не сомневался, что учитель Ли не боится проверок, — протянул он с двусмысленной улыбкой. — Вот только пока я шел по коридору, почувствовал запах жареных сосисок. Хотя это и коридор, но он в непосредственной близости от лабораторной зоны. Учителю Ли стоит быть строже к дисциплине — не хватало еще, чтобы кто-нибудь подцепил заразу.

Цзи Сяочуань за спиной Старосты украдкой высунула кончик языка. Надо признать, Цэнь Сяо играл великолепно. Не знай она заранее, что это лишь спектакль, сама бы уже дрожала от страха. Но выходить из образа было нельзя, поэтому она опустила голову, а когда снова подняла взгляд, в нем плескалась тревога.

Ли Жун чуть прищурился и, отвернувшись, безразлично бросил:

— Я ничего не чувствую. Должно быть, капитан Цэнь ошибся.

Не имея прямых улик на руках, он не собирался поддаваться чужой логике.

Цэнь Сяо с интересом кивнул:

— Вот как. Что ж, не смею отвлекать учителя Ли. Мы еще заглянем.

С этими словами он протянул руку и ухватил юношу за воротник, словно желая припугнуть, но в последний момент передумал. Он лишь слегка поправил белоснежную ткань, скользнув пальцами вдоль линии ворота, и дважды легонько похлопал его по груди.

— Уходим, — скомандовал он Гэн Аню.

Кадык Ли Жуна оставался напряженным, пока рука капитана не исчезла. Только тогда он смог наконец выдохнуть.

Стоило сотрудникам Девятого района уйти, как лаборатория взорвалась проклятиями:

— Да что за сволочь! Прикрывается удостоверением Девятого района, чтобы сводить личные счета!

— Ха, да он просто ищет повод придраться. Мы не дадим ему такого удовольствия! Нужно работать еще быстрее и качественнее!

— Точно! Пусть этот «Ланьшу» облизывается на расстоянии! Пусть лопнут от злости!

— Эх... горе от таланта. Тяжело тебе приходится, Ли.

Сун Хэ подошел ближе, заглядывая соседу в лицо.

— Слушай... неужели ваш конфликт никак нельзя уладить? Мы ведь не выдержим таких проверок. А если в следующий раз они правда к чему-нибудь прикопаются?

Цзи Сяочуань в этот момент проявила неожиданную твердость духа. Она выпрямилась и гордо заявила:

— Ни... ничего! Я всё равно не перестану... есть сосиски!

Ли Жун с улыбкой посмотрел на неё, после чего мягко произнес:

— Чему быть, того не миновать. Будем решать проблемы по мере их поступления.

С этими словами он невольно коснулся воротника и вернулся к лабораторному столу.

***

Когда Цэнь Сяо вместе с подчиненными вышел из лаборатории, Гэн Ань взглянул на пакет с

образцами и спросил:

— Капитан, мне их выкинуть?

— С чего это? — удивился Цэнь Сяо. — Проверь как положено.

Юй Фуянь округлил глаза:

— А? По-настоящему?! А если заместитель капитана Ли узнает и разозлится?

— Я ведь не только ради спектакля это делаю, — покачал головой капитан. — Строгие проверки пойдут ему на пользу. А если там правда обнаружится опасность?

Юй Фуянь прозрел и закивал:

— А-а-а, понял!

Капитан просто заботился о своем заместителе — лучше найти брешь самому и вовремя её закрыть.

***

Наступила глубокая ночь. Ли Жун наконец закончил работу. Стрелка часов перевалила за три часа. Он стоял на обочине пустой дороги под холодным светом луны. Юноша посмотрел на звезды, глубоко вдохнул туманный воздух и быстро свернул в сторону.

Машина, припаркованная у обочины, покрылась росой. Стоило коснуться кузова, как ладонь стала мокрой. Староста рванул дверь и юркнул внутрь, мгновенно оказавшись в тепле.

— Опять так поздно, — с легким упреком произнес Цэнь Сяо.

Юноша, отбросив всякое стеснение, перебрался к нему и уселся верхом на колени, обвив руками шею капитана.

— Спать хочешь?

Цэнь Сяо тихо рассмеялся:

— Мы не виделись несколько дней. Какой уж тут сон.

Он прикусил губу капитана, слегка подавшись вперед и прижимаясь к нему всем телом.

— Почему сегодня в лаборатории ты вел себя так сдержанно?

Цэнь Сяо положил ладони ему на талию и интимно сжал. Его дыхание стало тяжелым.

— Ты сегодня в этом халате слишком хорош. Боялся не сдержаться.

Ли Жун прищурился, слизнул влагу с губ и иронично шепнул:

— Чуть не забыл... тебе ведь нравятся игры с формой. В следующий раз надеть халат специально для тебя?

Ладонь Цэнь Сяо медленно скользнула вниз к копчику.

— Сегодня ты ведь сделал это нарочно? И очки не снял, м-м?

Юноша открыто улыбнулся, и его глаза превратились в два полумесяца.

— Да. Специально тебя соблазнял.

<http://bllate.org/book/15351/1574420>